

Последняя драма великого шутника

Есть такая литературная история: в 40-е годы к известному врачу обратился пациент с жалобой на апатию, отсутствие аппетита, затяжные приступы меланхолии. Он перепробовал все средства, но ничего не помогает.

Тщательно исследовав больного, врач предложил ему последнее средство - читать по одному рассказу Зощенко в день: перед завтраком, обедом и ужином. Правда, добавил врач, его книги под запретом, но во имя медицины он рискнет дать больному книгу из собственной библиотеки.

«Увы, — грустно улыбнулся пациент, — мне это не поможет.

Я и есть Зощенко!»

Капитан в красной кофте

Михаил Михайлович Зощенко родился 10 августа 1894 в семье художника-передвижника в Полтаве. О своем детстве вспоминать не любил, однако, сборник рассказов «Праздник» носит явно автобиографический характер, и если ему верить, будущий писатель был обычным домашним ребенком. И жил обычными детскими радостями — игрушками, летними поездками на дачу и ожиданием новогодней елки. Он очень любил свою старшую сестру Веру, бывшую для него и лучшей подругой — она на всю жизнь останется для него самым близким человеком.

В 1913 году после окончания гимназии поступил в Петербургский университет на юридический факультет. Не закончив курса, он неожиданно отправился на фронт начавшейся Первой мировой войны добровольцем. Мало кто знает, что этот беспечный шутник и интеллигент в пенсне участвовал в боях, отличаясь храбростью и отвагой, за

что удостоен пяти орденов; командовал батальоном; был трижды ранен, отравлен газом и окончил войну в чине штабс-капитана. Впоследствии опыт военных лет, знание солдатской и офицерской среды так или иначе отражались в его произведениях, в том числе в первой книге «Рассказы Назара Ильича, господина Синеврюхова».

После Февральской революции, которую Зощенко воспринял с иронией («царю по шапке дали!»), он служил в Петрограде в должности коменданта Главного почтамта и телеграфа, а с июля 1918 года — в пограничной охране в Стрельне и Кронштадте, но вскоре перевелся в действующую армию и воевал в Красной Армии под Нарвой и Ямбургом. Октябрьский переворот он и вовсе посчитал чем-то вроде театрального фарса: если бы он знал тогда, какая судьба ждет его страну и его самого!

Последствия ранений, однако, давали о себе знать все сильнее, кроме того, приходилось постоянно искать заработка. Зощенко переменял несколько должностей, пе-

репробовал разные профессии от санитара и истопника, до следователя в харьковском ЧК(!). Вот как описывает его Валентин Катаев: «Смешной, нелепый, долговязый в кургузой какой-то женской красной кофте и с огромными детскими глазами». Все это так и не дало бывшему военному какой-либо бытовой устроенности и покоя, но зато обогатило массу знаний и жизненных наблюдений. Он был свидетелем крутого переворота всей российской жизни, свершавшегося после революции, но больше всего его болезненно поражала и уязвляла живучесть мещанства и воцарившаяся в человеческих душах пошлость. Через три года после революции Зощенко уже профессионально занимается литературной работой, найдя в ней свое настоящее призвание.

«Веселая жизнь»

Среди множества существовавших в те годы литературных групп Зощенко привлекала студия «Серапионовы братья», образовавшаяся в Петрограде в начале 1921 года. В нее входили Федин, Всево-

лод Иванов, Слонимский, Каверин, Лунц и другие тогда еще молодые и совсем неизвестные писатели. В своих декларациях, как правило, расходившихся с их художественной практикой, эти амбициозные литераторы делали упор на то, что литература должна, прежде всего, быть искусством и не подчинять свои искания и формы общественно-политическим интересам. Отшельник Серапион, герой одной из новелл Гофмана, ушедший от мира, чтобы познать тайны духовной жизни личности, в этом отношении был им близок, и они демонстративно подчеркивали свою аполитичность. Кроме того, Гофман привлекал их как заклятый враг мещанства.

Зощенко пришел в эту группу, прежде всего, потому, что она была своеобразной школой, где писатели учились друг у друга литературному мастерству. У него к тому времени уже сложились достаточно твердые взгляды на литературу, а главное — свой собственный, уникальный язык, который можно симитировать, но практически невозможно подделать. «Же-

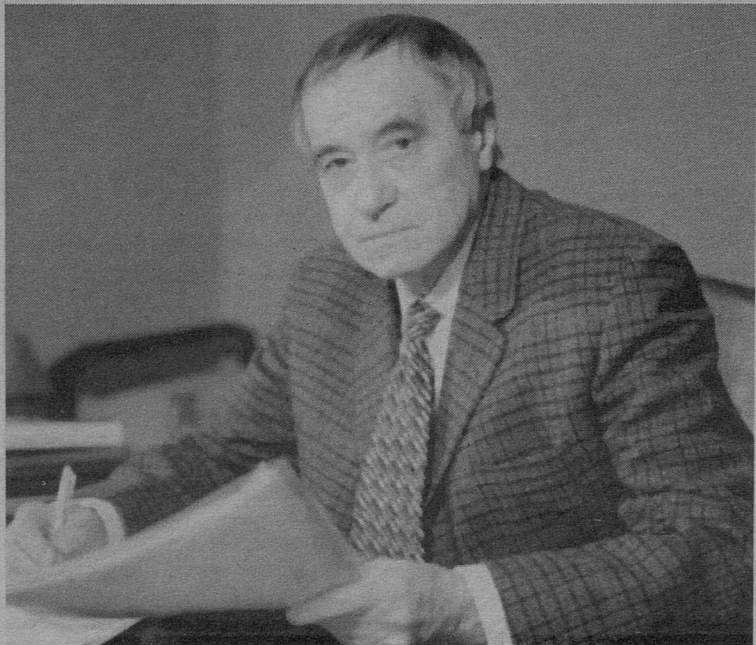
ниться, это вам, граждане, не в баню сходить!», «Ложи в зад!», «Атмосфера нормальная, у меня дома еще хуже воняет!», «Спи скорей, твоя подушка нужна другому!», «Если выздоровеете, что вряд ли...» — цитаты из его рассказов и фельетонов вошли в нашу жизнь как байки и анекдоты и вполне справедливо считаются фольклором.

Внутренняя драматичность рассказов писателя, не почувствованная в 20-е годы ни читателями, ни критикой, более выпукло проявлялась в его великолепных повестях. Он справедливо утверждал, что в его книгах «нет ни капли выдумки. Здесь все — голая правда». В первый большой сборник писателя «Веселая жизнь» (1924) наряду с рассказами включены повести «Коза», «Аполлон и Тамара», «Мудрость», «Люди», в книгу «О чем пел соловей» (1927) вошли повести «Страшная ночь», «О чем пел соловей»; они же потом появились в сборнике «Нервные люди» (1928). Эти произведения вошли в историю литературы под общим названием «Сентиментальные повести». В них те же проблемы, что и в рассказах, в том числе и главная для Зощенко проблема маленького, простого человека, показанная с ярким и тонким юмором и явным гротеском.

Но за искрометным сарказмом и, казалось бы, бесхитростными сюжетами его рассказов и повестей скрывалась боль и даже слезы. То, что происходило в это время в стране, ранило писателя в самое сердце. Умнейший и образованнейший человек, он не мог не понимать происходящего и не видеть истинного положения дел за бравурными лозунгами плакатов.

Однажды известный артист Михаил Жаров спросил у Зощенко:

— Как я должен читать ваши рассказы, чтобы завоевать у слушателей успех?

Зощенко Михаил Михайлович